

CODE-SWITCHING IN THE BELARUSIAN INTERNET SPACE: STEREOTYPING OF PARTICIPANTS OF COMMUNICATION IN THE SITUATION OF BILINGUALISM

Abstract: The article considers code-switching from Russian to Belarusian, as well as mixed speech (trasyanka) in monological and dialogical speech. The connections between the idiom selected by a speaker and the stereotyped ideas about its bearer are identified. The parameters important for modeling the pragmatic context of code-switching are specified.

Author information:

Olga Desyukevitch
Assoc. Prof., PhD
Belarusian State University
✉ olga_des@rambler.ru
🌐 Belarus

Keywords:

bilingualism, diglossia, idiom, interaction, code-switching

Исследование функционального распределения идиомов в коммуникации на нескольких языках – одно из направлений этноинтеракционной социолингвистики [11, с. 7], которая путем наблюдения над участниками интеракции выясняет, какие языковые коды используются говорящими по отношению к разным собеседникам. Код в этом случае является как бы границей, отделяющей одну группу от другой, – в свете такого подхода билингвизм перестает рассматриваться как свойство людей, находящихся в определенной ситуации, выбор кода начинает пониматься как речевое поведение, сознательно избираемое говорящим в зависимости от представлений об адресате своего сообщения. Идею о том, что для билингва выбор того или иного языка связан с осознанным или неосознанным представлением о своей аудитории, о своем адресате, последовательно защищает А. Павленко, в своем исследовании, опирающаяся на идею гетероглоссии М. Бахтина; анализ многочисленных исследований мышления билингвов, результаты которых приводит Павленко, указывает на существование связи между языком, выбираемым говорящим, и интерпретативными фреймами, актуализирующимися в коммуникативном акте [см. 12, с. 230–234].

Исследователи билингвизма в Беларуси рассматривали разные формы кодовых переключений (code-switching) в диалогической и монологической речи, – прямые цитаты, повторы с сохраненной или переосмысленной интенцией. Чередование в пределах одного коммуникативного акта лексических, фразеологических или синтаксических единиц разных идиомов представляет собой «явления смешанного дискурса» [10, с. 178], зависит от ситуации и темы общения, определяется контекстом, в частности, мотивировано стремлением сократить/увеличить дистанцию между автором и адресатом сообщения, характером коммуникации, т. е. направленностью на конфликт или сотрудничество, желанием выразить мысль экспрессивно, сформулировать оценочное суждение.

Непосредственной задачей данной статьи является описание таких контекстов, в которых говорящий использует в своей речи вкрапления из другого идиома для дистанцирования от некоторой части общества, которой, как он думает, данный идиом принадлежит и ценности которого выражает, таким образом, мы сосредоточимся на переключениях с идиома на идиом, мотивированных желанием перейти с мы-кода на они-код [см. 11, с. 207], сами элементы иного кода в этом случае маркируют идентичность автора сообщения и его реального/воображаемого адресата.

Языковая ситуация в Беларуси. По данным социолингвистических и этнолингвистических исследований, в Беларуси сосуществуют, пребывая в сложном

взаимодействии, следующие идиомы: белорусские диалекты (в качестве материнского языка), белорусский литературный язык, русский литературный язык, смешанный вариант русского и белорусского языков (трасянка), а также русское просторечие в молодежной городской среде. Доминирующим считается русский язык, остальные идиомы являются закрепленными за отдельными социальными и территориальными группами. На западе страны в большей степени сохраняются белорусские говоры и язык, тогда как по мере приближения к восточной границе возрастает количество лексических и грамматических русизмов. Городская речь в большей степени ориентируется на русский литературный язык, однако степень его приближения к идеальному сильно отличается у говорящих в зависимости от уровня и характера образования.

Особенность социолингвистической ситуации Беларуси, по мнению Э. Смукловой, заключается в том, что на белорусско-польском пограничье сформировался билингвизм с диглоссией (по Ч. Фергюсону, Дж. Фишману), для которого характерно устойчивое сосуществование в качестве языка повседневного общения простой мовы, интердиалекта, бывшего когда-то средством межнационального общения в Великом княжестве Литовском, являющегося продолжением его разговорного варианта [см. 4, 8], и польского языка, выполняющего функции высокого языка. Ситуация на остальных территориях, однако, осложняется сосуществованием местных диалектов, трасянки и русского языка в случае выхода в общения за пределы круга близких/знакомых, что позволяет говорить скорее о парадиглоссии – ситуации, описанной Дж. Фишманом как пограничной между билингвизмом с диглоссией и диглоссией без билингвизма, которую ученый характеризует как диглоссию сообществ (*środowiskowa*) [9, с. 93]: поскольку данный тип диглоссии не охватывает общество в целом, выбор одного из двух или трех идиомов обычно диктуется сообществом, в которое входит говорящий или предполагает принадлежащим к данному сообществу адресата своего сообщения. За пределами парадиглоссии, или диглоссии сообществ, ситуацию можно охарактеризовать как билингвизм без диглоссии, поскольку функционально идиомы не закреплены. Проявлением такого билингвизма можно считать кодовые переключения в ходе одного коммуникативного акта, к которым прибегают говорящие, исходя из невысказанного, но всеми разделяемого убеждения в том, что все знают оба языка.

Если, по Дж. Фишману, билингвизму соответствует бикультурализм, то диглоссии сопутствует диэтнизм (*di-ethnia*), который составляет самую суть белорусской культуры, обогащает ее и составляет ее отличие: польский и русский культурные элементы «переварились» здесь в симбиоз, нечто неделимое, слитное.

Особое внимание у исследователей вызывает трасянка и ее влияние на ситуацию билингвизма в Беларуси: этот идиом отличают от единичных случаев интерференции в речи двуязычных говорящих, подчеркивая, что трасянка представляет собой такую степень взаимодействия двух языков, которая создает отдельное от своих первоисточников явление, существующее, однако, исключительно в идиолектах: «Трасянка замечена у людей малообразованных, причем в качестве единственного средства коммуникации, а также в карикатурной форме у людей образованных, обычно изъясняющихся по-русски, по тем или иным причинам желающих заговорить по-белорусски. Считаю, что трасянка – некий третий вариант, настолько перемешанный, что отнести его к русскому или белорусскому не удастся, причем этот вариант не имеет нормативного варианта, не обладает узусом, в связи с чем описать возможно только его идиолекты» [9, с. 91].

Статус трасянки вызывает споры у ученых, в связи с чем данный идиом получает разные терминологические определения. По мнению Г. Хентшеля, белорусско-русская смешанная речь (ученый последовательно отвергает коннотированный термин «трасянка», сопровождаемый стигматизацией носителей данного идиома) является «одной из форм койнеизации автохтонных субвариантов и доминирующего литературного языка (т.е. феноменом конвергенции между субвариантом и литературным языком)» [10, с. 172], причем в структурно-лингвистическом аспекте белорусско-русская смешанная речь является разновидностью белорусского языка, т.к. фонетика и словоизменение сохраняются свойственными субварианту белорусского языка, в то время как дискурсивные маркеры и синтаксические особенности заимствуются из русского.

На то, что трасянка представляет собой не социолект, а скорее культуролект указывает А. А. Баркович [1, с. 157]. И. В. Лисковец вводит термин *белорусско-русский интер-язык*, а И. В. Калита на фоне двух кодов (русского и белорусского языков) и двух субкодов последнего (наркомовки и «обновленной» тарашкевицы) рассматривает трасянку как транскод, т.е. «редкое психоллингвистическое явление, возникающее в результате долгого, неравноправного взаимодействия двух родственных контактирующих языков, находящихся в отношении мажоритарный:миноритарный, где мажоритарный язык распространяет влияние всех своих

субкодов в сферу компетенции миноритарного языка, постепенно вытесняя (или заменяя) их, используя при этом идеологический компонент как основной двигатель общей политики воздействия» [5, с. 176] и далее: «Транскод – явление родственное, но не тождественное креольским языкам, пиджинам, социолектам, нациолектам, просторечию, сленгу» [Там же].

Трасянка получает контрастные оценки как в научном, так и в поэтическом осмыслении. По мнению С. М. Прохоровой, «трасянка – чудовищная смесь языков – не только показатель низкого культурного уровня страны – это система формирования акультурных личностей с сумятицей в душах и головах» (Аргументы и факты в Беларуси. 1997. №38).

Подтверждения последней точки зрения находим в художественной литературе, где трасянка является способом маркировать не только речевое поведение, но и характер человека, его статус и жизненную позицию. Так, в романе Виктора Мартиновича «Мова», основанном на концептуальной метафоре *беларуская мова – наркотик*, представители власти объявляют любые речевые действия на белорусском языке преступлением и сами говорят на трасянке: «Гражданин, пачэму вы нарушаеце гражданскі парадак?» Он пасматрел на мяня і гаварит: «Ты чэво да мяня прычапіўся?» Панимаеця, “да мяня”, а не “ка мне” и – “прычапіўся”. Ну, я тут же снял дубинку и принял меры» [7, с. 182].

В произведении Андруся Горвата «Радзіва “Прудок”» на трасянке изъясняются малообразованные люди и руководители на местах, их свойство всего опасаться и стремление запретить «крамолу» становится объектом иронии. В следующей – воображаемой – сцене герой общается с руководителем от культуры:

Сяджу на крэсле насупраць Касячок.

– Што ў вас?

– Хачу напісаць тэкст. Прыйшоў на дазвол.

– Пра што тэкст?

– Пра кабачкі.

– Што вы імяце ў віду?

– Гародніну.

– З якой цэлью?

– Расказаць пра свае кабачкі.

– Пры помашчы якіх срэдств вы будзеце расказаць пра кабачкі?

– Пры дапамозе прыметнікаў: вялікія і ўжо спелыя.

– Эээ, гэта прызыў да несанкцыянаванай акцыі. Давайце без «ужо» [3, с. 105].

Таким образом, в стереотипе говорящего на трасянке актуализируется признак ‘несвободный, лояльный к власти’. Русский – язык официальных сообщений, это язык чиновников как XIX века, так и нынешних и как таковой осложняется дополнительным признаком ‘чужой’, язык власти как маркер этой группы рождает в авторе дневника сопротивление: *Мінскі гарвыканкам неспадзеўкі даслаў эсэмэску: “Убедительно просим убрать снег у машыномест і во дворах”. Я назад засыпаў снегам сваю сцежку ў двары* [3, с. 161]. Но, кроме этого, русский – язык части белорусов, они представляются автору теми, кто отказывается быть вовлеченным в общее белорусское пространство и этим вызывает раздражение: *...ну скажы ты: «Ага, з цукрам, з цукрам!» Але не, там жа ў галаве такая пазіцыя: “Я уважаю беларускаяязычных (афробеларусов), но сам разгаварываю на руском и не буду марать сваю речь беларускімі словамі, потому что нужно или так, или так”* [3, с. 173]. Мотивом их отказа мыслится презрение к белорусскому языку, и эта группа упрекается в высокомерии, что подчеркивается ироническим снижением образа я с помощью трасянки: *Прасціця-ізвянця, што нарушыў ваш спакой і пасмеў па-беларускі абраціцца* [Там же].

Показательно, что трасянка как я-код возникает чаще в комическом контексте, и этим противопоставляется кодифицированному белорусскому языку как языку высокой культуры. Михалок, белорусский рок-музыкант, пишет: “Трасянка – кич, несерьезный язык, язык богемы. На трасянке говорят мои друзья – поэты, художники, театралы. Трасянка далась мне легче, чем белорусский. Я не умею иронизировать по-белорусски” (по: Калита, с. 131).

В поддержку такой точки зрения стоит привести мнение белорусского культуролога Максима Жбанкова, рассматривающего трасянку как культурную ценность и как анти-язык, позволяющий выразить сопротивление доминированию русского языка: «Трасянка, оказывается своего рода тайная, партизанская форма сохранения белорусского языка в контексте колониального лингвистического вмешательства В то же самое время именно через трасянку эти колониальные коды разрушаются. В этом случае трасянка может быть рассмотрена как мощное средство для строительства национального самосознания» [цит. по: 2, с. 310].

В большинстве рассмотренных нами случаев интернет-коммуникации кодовое переключение на трясянку означает пародирование, не прямое выражение несогласия, высмеивание своего предполагаемого адресата, которого говорящий начинает проецировать на типичного носителя не разделяемых им ценностей. Среди таких фрагментов интеракции довольно многочисленны случаи фразовых вкраплений, емко выражающих жизненные максимы: *страна, где все добра; типичное рассуждение в духе «а можна так і трэба»; поколение абы не была вайны*, а также интертекстуальные вкрапления трясянки, пародирующие речь первого лица: *А всех, хто не входить в рамки, — жэстачайшэ запрэтыць і отправіць в спецыялку, як в СССР*.

Лексические и идиоматические включения стандартного белорусского в текст на русском языке могут быть вызваны стремлением подчеркнуть национально-культурный компонент языковых знаков в случае неполной эквивалентности знаков русского языка. В энциклопедии повседневности «Бацькаўшчына» (www.the-village.me/village/cult), созданной на русском языке, включены такие словарные статьи: *беднасць, змагар* (толкование: человек, разговаривающий на белорусском языке и продвигающий белорусскую культуру; является сторонником оппозиции; главный пассажир автозака), *на пяццот, покуць, куфар, падабайка* (белорусский лайк; образовано от слова “падабаецца”, т.е. “нравится”), *прысмакі, хутка-смачна* (киоски с белорусским фаст-фудом) и др. Мотивация включений в монологической речи не всегда объяснима, но билингвы настолько чувствительны к различиям и настолько дорожат дополнительными коннотативными возможностями включаемых знаков и установлением каких-то дополнительных связей со своим адресатом, что для некоторых языковых личностей кодовые переключения становятся частью речевого поведения: *Нам нічога не застаецца, будзем спадзявацца!* (вместо *надеяться*); *Ну што ты такая нязграбная!* (вместо *неловкая*); *Работа можа і не самая хоршая, но не такая, што пусці – павалюся* (из личного разговора). Многие подобные случаи кодовых переключений с однонаправленной интенцией осложняются трудно определяемыми прагматическими установками, часто в них присутствует авторская самоирония.

Итак, проведенный анализ позволяет уточнить иконический характер социального значения идиомов в языковой ситуации в Беларуси: случаи кодовых переключений в ситуации диалога с русского или белорусского стандартного языка на трясянку предполагает воображаемого адресата, маркируемого как часть социальной группы, в сильной степени стереотипизированной, наделенной низкой оценкой, кроме того, переключения на трясянку являются маркерами чужого мнения, альтернативной точкой зрения. Вместе с тем, кодовые переключения на белорусский язык в монологическом тексте выполняют совершенно иные функции – заполнения лексических лакун в индивидуальном языке говорящего и повышения экспрессии, предельного уточнения отношения говорящего к теме сообщения в прагматическом отношении.

Отметим, что осмысление языка и языковой ситуации в интернет-коммуникации происходит с помощью военных метафор: *Мова для мяне – гэта тарпеда! Нездарма кажуць, што словам можна забіць... Што датычыцца гэтак званай трэцяй тарпеды – трясянкi. Гэта выключная зброя. У акадэмічных установах яе не вывучаюць – яе прыгажосць, дасканалась, моц можна зразумець толькі ў пэўных аддаленых беларускіх мястэчках і з экрану дзяржаўнага тэлебачання. Гэтая трэцяя тарпеда самае лепшае, што ёсць у беларуса! ...у гэтай трэцяй аб’ядналіся калгаснік і шахцёр, чыноўнік і бухгалтар, гандлярка і сантэхнік! Калі гэтай сумесь, дык ейная квінтэсенцыя ўнікальная! Бо гэтую тарпеду напампавалі звадкавым газам хлебных палёў і гарадскіх праспектаў!* (<http://zmij-vish.livejournal.com/34114.html> [Цит. по: 5, с. 60–61]). Агрессивные военные метафоры могут быть ответом на естественные биологические метафоры. Например, Ян Максимюк пишет: *Інтэрэс захаваньня і ўзмацненьня беларускай дзяржавы якраз патрабуе ўлучэньня расійскай мовы ў нацыянальны культурны кровазварот* (svaboda.org/a/24611572.html). В комментариях читаем: *Ступіўшы за парог уласнага жытла “беларускамоўны” аўтаматычна пападае ў транзію псыхалагічнае вайны, якое ён не пачынаў. І «говарыце по-человечески» – не ёсць тут самай востраю стычкаю*. В целом, такая метафорика, как и кодовое переключение в тексте комментария, говорит о том, что языки выполняют функцию не объединения социума, а скорее, напротив, его атомизации, противопоставления групп, что диглоссия сообществ является осознаваемой нами реальностью, различия идиомов очерчиваются значительно яснее в идеологическом контексте.

Таким образом, для моделирования языковой ситуации в Беларуси оказываются релевантными не только оппозиции *высокий – низкий* язык (престижный – стигматизированный в терминах У. Лабова) и *свой – чужой*, необходимо также учитывать идеологический контекст, который формирует в отношении идиомов противопоставление *лояльный власти –*

оппозиционный. Причем дифференцирует белорусский социум отношение к белорусскому языку, которому приписывают 'внутреннюю оппозиционность' и 'элитарность' [6, с. 17]. Отмеченные оппозиции формируют отношение к говорящим, они же диктуют выбор идиома в зависимости от собеседника.

References:

1. Barkovich A. A. (2015) *Internet-diskurs: kompyuterno-oposredovannaya kommunikaciya*. Moskva
2. Vulhajzer K. (2012) *Mozhet li russkij yazyk byt nacionalnym yazykom dlya bolee chem odnoj nacii? // Perekrestki. № 1–2. S. 280–313*
3. Gorvat A. (2017) *Radziva “Prudok”*. Minsk
4. Ivanov Vyach. Vs. (2004) «Po-prostu»: yazyki Velikogo knyazhestva Litovskogo. Ivanov, Vyas. Vs. *Lingvistika tretego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu*. Moskva, S. 101–105.
5. Kalita I. V. (2010) *Sovremennaya Belarus: Yazyki i nacionalnaya identichnost. Ústí nad Labem*,
6. Liskovec I. V. (2006) *Russkij i belorusskij yazyki v Minske: problemy dvuyazychiya i otnosheniya k yazyku*. Sankt-Peterburg
7. Marcinovich V. (2014) *Mova*. Minsk
8. Prohorova S. (2007) Desyukevich O. *Belorusskie govory (vokrug Novogrudka, Braslava, Mior i Postav) v istoricheskoy perspektive // Acta Baltico-Slavica 31. Warszawa, S. 205–212.*
9. Smulkova E. (2000) *Dvuyazychie po-belorusski: bilingvizm, diglossiya ili chto-to drugoe? Język a tożsamość na pograniczu kultur / Red.: E. Smułkowa, A. Engielking. Białystok, S 90–100.*
10. Hentshel G. (2015) *Belorussko-russkaya smeshannaya rech («trasyanka»): vosem voprosov i otvetov – Yazykovej kontakt. Minsk, S. 171–185.*
11. Bell A. (2014) *The guidebook to sociolinguistics*. Wiley-Blackwell,
12. Pavlenko A. (2014) *The bilingual mind and what it tells us about language and thoughts*. Cambridge,